ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 3 (72). С. 105–115.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2021; 3 (72): 105–115.

Научная статья
УДК 091:930.25(470.313)
DOI 10.37724/RSU.2021.72.3.011

Курьезы и раритеты рукописных сборников из собрания Государственного архива Рязанской области

Ирина Владимировна Грачёва

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
i.gracheva@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Обращение к рукописному наследию, находящемуся в региональных архивах и зачастую не атрибутированному, приобретает все большую актуальность, так как способствует углублению представлений об особенностях мировосприятия и умонастроений людей прошлого, живших в столице и провинции. В статье рассматриваются несколько малоизученных рукописных сборников XVIII–XIX веков, хранящихся в Государственном архиве Рязанской области. Основное внимание уделяется материалам наиболее редким и интересным с точки зрения исторической и культурологической. Преимущественно автора интересуют литературные тексты. Для их комментирования привлекается культурно-исторический и бытовой контекст эпохи их создания. Цель статьи — ввести в научный оборот наблюдения, которые могут способствовать дальнейшим исследованиям на эту тему. По материалам региональных архивов можно судить о том, как воспринимались и перерабатывались меняющиеся столичные вкусы и нравы в российской провинции.

Ключевые слова: архивные материалы, литературные произведения, редкие тексты, рукописные сборники XVIII–XIX веков.

Для цитирования: Грачёва И. В. Курьезы и раритеты рукописных сборников из собрания Государственного архива Рязанской области // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 3 (72). С. 105–115. DOI: 10.37724/RSU.2021.72.3.011

Original article

Curiosities and Rarities of Handwritten Manuscripts in the State Archive of the Ryazan Region

Irina V. Gracheva

Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russia
i.gracheva@365.rsu.edu.ru

Abstract. The analysis of handwritten manuscripts stored in regional archival collections has been gaining greater relevance, for it promotes deeper investigation of the worldview of people of past epochs, both city dwellers and rural dwellers. The article analyzes a number of underinvestigated handwritten manuscripts of the 18th–19th centuries that are preserved in the State Archive of the Ryazan Region. Special attention is given to exceptionally rare and historically or culturally significant sources. The author of the article is primarily interested in literary texts. The author of the article analyzes them through the prism of history, culture and everyday life of the epoch when they were created. The aim of the article is to share findings that can further promote the investigation of the issue. Documents preserved in regional archival collections can help a researcher to understand the evolution and transformation of urban dwellers' and rural dwellers' tastes, morals and customs.

Keywords: archival materials, literary sources, rare texts, handwritten manuscripts of the 18th–19th centuries.

For citation: Gracheva I. V. Curiosities and Rarities of Handwritten Manuscripts in the State Archive of the Ryazan Region. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2021; 3 (72):105–115. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.72.3.011.

Введение

Рукописные материалы из собрания Государственного архива Рязанской области (ГАРО) содержат немало интересных сведений по различным отраслям науки, но они мало изучены, так как работа с ними создает большие сложности. Рукописные сборники попадали в ГАРО различными путями. Это — приобретения Рязанской ученой архивной комиссии (РУАК), образованной в 1884 году. Нередко дары в РУАК присылались и из других губерний. После 1917 года в архив отправлялись уцелевшие остатки библиотек дворянских имений и личных архивов. Все это оседало в разных фондах, что затрудняет работу исследователей.

Обзор сборников, хранящихся в Научной библиотеке архива (НБ ГАРО), сделан Д. В. Губиным и А. А. Севастьяновой [Губин, Севастьянова, 2001, с. 3–18]. Происхождение сборников светского содержания в основном связано с дворянским кругом, но есть и купеческие рукописные тетради. Если в сборниках XVIII века преобладали русские и переводные повести (воинские, легендарно-исторические, любовно-авантюрные, сказочные и т. д.), то в XIX веке предпочтение отдавалось поэзии. Выписывая себе на память те или иные тексты, владельцы тетрадей крайне редко указывали первоисточники. В сборниках первой половины XIX века зачастую не называются авторы стихотворений. Это свидетельствует о том, что книжная культура в провинции в то время была еще слабо развита и тексты заимствовались друг у друга, а популярные песни, романсы, стихи могли записываться просто «со слуха», поэтому искажения текста первоисточника были неминуемы. Иные записи своей небрежностью могут ввести в заблуждение даже опытных исследователей. В списке, приведенном Губиным и Севастьяновой, одна из тетрадей XVIII века, хранящаяся в НБ ГАРО под № 13119, охарактеризована как «Сборник разных выписок и писем» [Там же. С. 14]. На самом деле это лишенная начала «Гистория о храбром российском кавалере Александре и о любительницах его Тире и Елеоноре», которая открывается письмом главного героя отцу и занимает почти всю тетрадь. «Гистория», изобилующая письмами, любовными записками, вставными «ариями», была популярна в первой половине и середине XVIII века, став своеобразным эталоном куртуазного поведения для молодых дворян новой эпохи.

В фонде РУАК числится ныне «Сборник басен неизвестного автора» [ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 610]. Это стихотворения графа С. П. Румянцева (1756–1838), дипломата, сенатора, писателя и публициста, адресованные его современнику, поэту И. И. Дмитриеву (1770–1837). Рукопись, видимо, ранее находилась в семейном архиве Н. А. Дивова, владельца усадьбы в селе Дивово Городище Зарайского уезда Рязанской губернии. Генерал-майор Н. А. Дивов (1792–1879) был женат на внебрачной дочери Румянцева З. С. Сергеевой (Кагульской). В 1889 году их сын передал в РУАК связку бумаг и документов из дивовского архива, включающую и рукописи Румянцева [ТРУАК, 1889, приложение, с. 1]. Аналогичный поэтический сборник вошел также в состав трехтомного собрания бумаг С. П. Румянцева, хранившегося в библиотеке графа Д. А. Толстого в имении Маково Михайловского уезда. После революции 1917 года уцелевшая часть этой библиотеки попала в ГАРО [Крестова, 1964, с. 95]. Не являлись ли бумаги Румянцева из Макова частью прежнего дивовского архива? Д. А. Толстой и Н. А. Дивов были хорошо знакомы: оба принимали деятельное участие в устройстве образцового реального училища в Зарайске, стали его усердными попечителями, удостоились звания почетных граждан Зарайска. В последние годы жизни Н. А. Дивов Д. А. Толстой приобрел у него часть земли при селе Дивово Городище, а после его кончины выкупил всю усадьбу.

В 1890 году в РУАК от ее члена, управляющего Рязанской контрольной палатой С. Л. Халютина, поступила рукописная тетрадь, которая вначале приписывалась семейству рязанских купцов Рюминых [ТРУАК, 1890, с. 56]. Сотрудник ГАРО Д. Ю. Филиппов установил принадлежность этого сборника рязанскому купцу Г. Н. Панову [Филиппов, 2020, с. 216]. Выявления составителей и владельцев рукописных сборников особенно ценны, так как расширяют представление о связях Рязанского края с процессами культурно-исторической жизни России.

Основная часть

Граф С. П. Румянцев, младший сын знаменитого фельдмаршала XVIII века, был известен современникам как талантливый публицист, учредитель публичного Румянцевского музея, государственный деятель. Составленный им сборник стихов не предназначался для печати: он являлся просто ответным даром, о чем свидетельствует открывающее его послание И. И. Дмитриеву:

«Милостивый государь мой, Иван Иванович! С самого того дня, в который Ваше превосходительство изволили прислать мне Ваши басни, я читаю их, перечитываю и отстать от них не могу. При изъявлении Вам моей благодарности, скажу:

Хотя мала тетрадь, но дар твой драгоценный
И в зрелых мне летах наставник будет верный.
Престану рыться я в нахмуренных писцах.
Мне Ласточка — Сократ, Мышонок — за Платона,
А если чувства хочу искать в сердцах,
Послушаю тогда я Голубина стона.
От проповедников столь милых научусь
Всему... На крик Гагар быть Лебедем потщусь.
[ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 610. Л. 1]

Здесь упоминаются герои сочинений И. И. Дмитриева: «Ласточка и птички», «Мышь, удалившаяся от света» (или — «Петух, кот и мышонок»), «Стонет сизый голубочек...», «Лебедь и гагары». Л. В. Крестова отмечает, что прозвание Лебеда Румянцев получил от французской писательницы Жанлис, посвятившей ему повесть «Рыцарь Лебеда», и оно закрепилось за ним в России [Крестова, 1964, с. 112–113].

В сборник Румянцева вошли стихи, написанные в разные годы и в разных жанрах. «К мистикам» — полемический выпад против масонских учений, распространившихся в России. В «Хлое» автор иронизирует по поводу заповнивших русскую поэзию чувствительных и шаблонных прославлений пылких любовных восторгов и утех, где фигурируют Хлои, Климены, Милены и т. д. Одно из таких стихотворений, «К Хлое» В. Л. Пушкина, появилось в 1795 году в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». Румянцев, сам в молодости писавший изящные любовные стихи на французском языке, считает, что видеть в этом главную ценность и смысл жизни свойственно лишь несформировавшемуся юноше. У зрелого же человека, занятого сложными общественными проблемами, не вовремя появившаяся шаловливая Хлоя и сопровождающие ее «амуры, игры, смехи» могут вызвать лишь раздражение: «Пусть черт возьмет с собою / И вас, и Хлою» [ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 610. Л. 17]. Переживаниями событий войны 1812 года навеяны стихотворения «Песня», «К памятнику при Тарутине», «Орел и змей». В селе Тарутине, возле которого произошла одна из решающих битв с французами, Румянцев на свои средства поставил памятник. Образы стихотворения «Орел и змей» восходят к легенде из средневековой «Повести о взятии Царьграда турками»: при возведении Константинополя строители увидели, как орел, схватив змею, поднялся ввысь, но, обессиленный борьбой с ней, рухнул на землю. Это восприняли как предсказание о будущей судьбе Византии и ее столицы, которые падут под натиском врагов. У Румянцева раненый орел, все же одолевший змея, — символ великого исторического предназначения России: «Но то, что создал Петр, то век неколебимо» [Там же].

Основой помещенных в сборнике басен часто становятся не нравоучения, а парадоксы. Героиня «Старухи», страдая от недугов, по обету отправилась с дарами в дальний храм, чтобы вымолить себе здоровье, но во время долгого, трудного пути вконец его растеряла. В басне «Поп и мертвец» (перевод из Ламартина) корыстолюбивый священник, надеясь на большое вознаграждение, взялся отвезти в карете гроб знатной барыни, чтобы захоронить его с почетом в монастыре, а не на местном погосте; по дороге карета опрокинулась, и его самого убило тяжелым гробом. В «Вельможе и борове» утверждается, что боров, с наслаждением купающийся в грязи, менее отвратителен, чем иной вельможа, купающийся в роскоши, потому что первого таковым сделала природа, а второй сам утратил человеческий облик. В стихотворении «Эзоп» автор восхищается античным мудрецом, создавшим жанр притчевых иносказаний, актуальный и через много веков: «сам раб, владык учил» [ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 610. Л. 2]. Перекликается с «Эзопом» басня «Китайский историограф». Некогда в Китае придворный, писавший историческую хронику, с честной объективностью заносил туда и добрые дела, и самодурные бесчинства своего владыки. Тот пригрозил ему немилосердной расправой. Историограф смиренно обещал внести в хронику и

это. Властитель задумался и, не желая заслужить негативную оценку у будущих поколений, переменил образ правления. Басня кончается обращением:

Ах, если, Карамзин, в Истории ты своей
Тиранов посрамишь, бесчестивших порфиру,
Второго Тацита явишь тогда ты миру
И будешь тем прямой наставник впредь царей.
[ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 610. Л. 6]

В рукописи из собрания Д. А. Толстого эта басня сопровождается авторской пометой: «Читана Карамзину в Москве прежде издания его Истории» [ГАРО. НБ № 13370. Л. 90 об.]. Таким образом, басня являлась и наставлением Н. М. Карамзину, ставшему в 1803 году придворным историографом и приступившим к работе над «Историей государства Российского». Сам Румянцев в это время выступил инициатором закона о вольных хлебопашцах, принятия которого удалось добиться.

Особенный интерес представляют записи в сборниках, свидетельствующие о любопытных черточках повседневного быта, духовных запросов и даже смеховой культуры XVIII–XIX столетий. У Румянцева, например, находим анекдот о том, как в XVII веке в Москве мартышку высекли «кнутом за то, что, вырвавшись из дому посла англинского, вбежала в церковь и на престол вскочила, стрельцы за нею по всей Москве с бердышами гонялись и патриарх анафеме предал ее немедленно» [ГАРО. НБ № 13370. Л. 102]. А обладатель (или обладательница) «Гистории о храбром российском кавалере Александре» старался усвоить науку галантного обхождения и условной символики, принятой в светском кругу. В тетради выписан «Реестр мушков: как класть на лице и что какая на коем месте значит». Мушки из черной тафты были в ходу у щеголих и петиметров XVIII века и несли для их поклонников и поклонниц определенную информацию в зависимости от того, куда были прилеплены: «Среди щеки — радость; среди лба — гордость; под носом — глупость; над глазом — жеманство; под глазом — печаль; против глаза — верная любовь; возле шеи — расставание, среди носа — с кавалером брань; на верхней губе — вертопрашество; на нижней губе — надежда, на бороде (подбородке. — И. Г.) — смирение» [ГАРО. НБ № 13119. Л. 62 об., 63]. Условный язык мушек, сохраняя основную символику, мог варьироваться в зависимости от того, в каком кругу он был принят. М. П. Пыляев, рассказывая о петербургских обычаях XVIII века, приводит несколько иные значения расположения мушек на лице [Пыляев, 2014, с. 288–289].

Не менее значимым был цвет одежды или ее отдельных аксессуаров, поэтому дополнением «Реестру мушков» служит «Реестр цвета» с пометой «выписано из Цветника». Из него узнаем, что пунцовый цвет означал «величество», зеленый — «верность», брусничный — «молодость», малиновый — «лицемерие», красный — «гуляние», алый — «любовь», голубой — «постоянство», васильковый — «гордость», белый — «чистоту», желтый — «сумнительство», лимонный — «простоту», песочный — «вертопрашество», померанцевый — «радость», коричневый — «благодарение», черный — «печаль». Восприятие цвета стало более утонченным, важны были и соотношения цветов, и градация оттенков. Сочетание желтого с черным предвещало «явную ссору», после которой, видимо, мог последовать полный разрыв, а голубого с черным — «тайную ссору», дающую надежду на урегулирование конфликта. С помощью «рудожелтого» цвета можно было намекнуть о возможности свидания, а «кафельный» свидетельствовал о «смирении» (или смиренности). Сейчас трудно с точностью установить, какой оттенок считался «гвоздичным» (являвшимся символом горести). В природе встречаются гвоздики разных цветов, кроме того, под «гвоздичным» мог подразумеваться цвет известной пряности. А что такое «серонемецкий» цвет, означавший «дурачество», остается только гадать [ГАРО. НБ № 13119. Л. 60–62 об.]. Возможно, это сиреневый или оттенок серого.

Любопытны выписки из «естественной книги о человеческом знамении», указывающие, как по внешности человека можно судить о его свойствах и нраве. Утверждалось: если «очи будут черны», то их обладатель может оказаться «великоумен»; если «велики» — будет чрезмерным любителем женского пола и «чужого греха». Если «очи быстры» и «впали внутрь, то вострослов бывает»; а вытаращены, словно «выскочить хотят, то нет ума». Также нет ума у того, кто «часто мигает» и, оставаясь на месте, либо водит глазами по сторонам, либо поворачивается из стороны в сторону. Но если часто мигает человек неподвижный — «то есть бестуж, не имущий срама». Если у человека «чело кругло, то тчив, и гневлив, и пужлив», а если «брови велики и к носу приклонены, то есть яр и высокосердоум и ужаслив»; брови же, уходящие к вискам, означают, что он — «ругатель, пронырлив и проказлив». У кого «знамя (т. е. какой-то знак, отметина. — И. Г.) на челе

будет, тот многих господин будет»; если на виске или щеке — «богат будет», на колене — «у того жена красная и богатая будет», на животе — «тот пьяница будет», на груди — «тот убог будет», на плече — «тому как Бог даст» и т. д. В начале тетради читаются инициалы С. Х. и часть то ли имени, то ли фамилии — «Спери» [ГАРО. НБ № 13119. Л. 63–63 об., 64].

В сборнике купца Панова первые записи относятся к 1808–1809 годам. Вместе с деловыми заметками о поездках на Лебедянскую ярмарку, покупках, о домашних делах здесь рассказывается о крупных пожарах, посещавших Рязань с 1774 года и наносивших большой ущерб не только отдельным хозяевам, но и всему городу [ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 484. Л. 99, 102 ; Филиппов, 2020, с. 216]. В тетрадь занесены полезные для домашнего обихода сведения: как делать ликер, как лечить лихорадку настойкой коры крушины в «полпиве», обморожение — тертой редькой, а забывчивость — втиранием в затылок горчичного масла [ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 484. Л. 7, 29, 54, 56]. Выписано замечание о свойствах алмаза: если к нему приблизится человек, которому суждено скоро умереть, то камень «потети начнет» [ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 484. Л. 53]. Приводится способ восстановления «поливявших писем»: «Настоять в воде чернильных орешков крепко, а после сварить. Сим составом мазать полинявшую бумагу кистью живописною и положить на печь, полинявшие буквы опять выступят» [Там же. Л. 8]. Сохранение деловых документов, особенно связанных с денежными обязательствами, было важно для представителя торгового круга, однако трудно сказать, зачем ему понадобился рецепт изготовления «гремящего порошка»: в XVIII — начале XIX века такие составы в основном использовались для фейерверков и прочих огненных потех.

В сборнике есть и весьма мудреный рецепт, как «сделать надпись внутри яйца целого», предназначенный для того, чтобы удивить неожиданным сюрпризом знакомых, поднося им пасхальные яйца [ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 484. Л. 9 об.]. Культурные традиции того времени поощряли забавные выдумки, розыгрыши, иногда даже и не совсем невинного свойства. Мастером подобных изобретений был А. Т. Болотов, который не только развлекал ими своих гостей, но и пропагандировал их в своих сочинениях. В комедии «Честохвал» (1779) рассказывается, как в доме Благодрава сбили спесь с молодого тщеславного гордеца Честохвала, сделав его посмешищем для собравшегося общества. Когда он похвастался феноменальной способностью к быстрому счету, ему предложили подуть в трубочку, вставленную в бутылку с водой, и пересчитать образовавшиеся пузыри. Но как только он отнял трубочку от губ, вода из бутылки брызнула фонтаном, залив ему лицо и щегольской камзол (Болотов приложил к пьесе инструкцию, как изготовить такую фонтанирующую бутылку). Когда же слуга подал Честохвалу полотенце и тот начал утираться, неожиданно лицо его стало черным. Сын Благодрава Клеон сознался, что хотел опробовать вычитанный способ: «ежели натолочь чернильных орешков и купороса в самый мелкий порошок и сим порошком усыпать полотенце, так, ежели кому мокрое лицо им утереть, так оно почернеет» [Болотов, 1993, с. 65]. Тот же Клеон на сцене показывает, как делать «переводные» картинки. Кстати, Честохвала можно отчасти считать прообразом гоголевского Хлестакова.

О духовных потребностях рязанского купечества свидетельствуют в сборнике разъяснения из Катехизиса, рождественские канты, о нравственном кодексе — «Правило жизни»:

Честность имей, много не пей,
будешь здоров.
В должном трудись, меры держись,
будешь богат.
Чистосерд будь, воздержи грудь,
будеши добр.
Падших прощай, просящим дай,
будешь блажен.
Книги читай, тайну скрывай,
будеши мудр.
Дай греху казнь, грешным приязнь,
будешь правдив.
Бога ты чти, грешным отпусти,
будеши прав,
С другом дружись, в брань не вяжись,
будешь любим.
С кротостью знайся, тяжб удаляйся,
будешь счастлив.
Помни о сих, что в един миг

Выписанный отрывок из «Разговора с Анакреоном» М. В. Ломоносова учил не избегать житейских радостей, веселья и любви. Характерно, что приводится не все произведение Ломоносова, а лишь понравившийся фрагмент. К авторскому призыву посвятить себя служению Отечеству купец, видимо, остался равнодушен. Ближе ему оказалась незамысловатая мораль басни И. И. Дмитриева «Пустынник и Фортуна»: мудрый человек предпочтет знатности, чинам, славе, богатству несуетную жизнь со скромными семейными благами и искренними дружескими привязанностями. Эта басня пользовалась в свое время большой популярностью. Дмитриев писал о тех, кто отказывается искать Фортуны при дворе, но каждый читатель воспринимал басню по-своему. Вторая помещенная в сборнике басня Дмитриева «Царь и два пастуха» рисует идеал правителя, который не позволяет своим приближенным покоиться в роскоши, а заставляет их неустанно служить государству и народу. Несмотря на всю свою утопичность, этот идеал еще долго будет привлекателен для русских умов.

Из журнала «Северный вестник» за 1804 год (как пометил составитель сборника) выписано сочинение П. Ю. Львова «Ефим Пименов, или редкий пример братской любви. Истинная повесть». Это трогательная история о том, как простолюдин, к тому же увечный карлик, не смирился с незаконным произволом, когда в рекруты отдали единственного кормильца в их семье. Он сумел дойти до самого императора Александра I и спас брата от солдатчины, а родных — от неминуемого нищенства.

Без указания автора в сборник включено «Слово, сказанное Московской г(убернии) в се(ле) Покровском попом Павлом. 1794». Это — сочинение Д. И. Фонвизина «Поучение, говоренное в Духов день иереем Василием в селе П», впервые опубликованное в «Собеседнике любителей русского слова» в 1783 году. Иное название в рукописи, а также некоторые текстуальные расхождения с оригиналом свидетельствуют, что это произведение широко ходило по рукам, видоизменяясь и потеряв авторство. Изображенные Фонвизиним колоритные бытовые картинки с грубоватым юмором были весьма узнаваемы в русской провинции. Праздник Троицы в простонародной среде встречали с таким языческим разгулом и неумеренными возлияниями, что на следующий за ним Духов день ряды прихожан в церкви заметно редели. С возмущением укорял их пастырь: «Отчего, например, ты, выборный Косма Терентьев, пришел к обедне, может быть, и с умиленным сердцем, но с разбитым рылом? Да посмотрим и на жену твою Евдокею, отчего она теперь всю обедню продремала? Отчего также и ты, сошкой Косма Потапов, стоишь, выпуча на святые иконы такие красные и мутные глаза?» [ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 484. Л. 24]. В тексте Фонвизина первое мужское имя — «крестьянин Сидор Прокофьев», а второе — «выборной Козьма Терентьев» [Фонвизин, 1959, с. 24]. Иерей сокрушался, что после Троицы в приходе «из тысячи душ по последней ревизии едва триста не походили на скотов бесчувственных» [Там же. Л. 24 об.]. Сочетание увещаний соблюдать христианские добродетели с призывом исправно платить подати в казну и оброк помещику, церковнославянизмов — с просторечиями и казенным стилем придавали тексту еще больше комизма.

Есть в сборнике сатирические тексты, пародирующие старинные документы: ответ новгородцев на указ из Военной коллегии и донесение в Сенат из Пронской воеводской канцелярии. В. Д. Кузьмина, впервые опубликовавшая и прокомментировавшая эти тексты, познакомившись с ними по другим источникам, свидетельствовала, что «переписка воеводы с Сенатом — не редкость в сборниках конца XVIII — начала XIX вв.», хотя изображенные события приурочены к первой половине XVIII века [Кузьмина, 1955, с. 146].

Разночтения в текстах разных сборников незначительны. В рапорте пронского воеводы в Сенат из рязанского сборника сообщается, что «волею Божиею от заронения посадчицы Фёклы Ларионовой половина города выгорела до тла и ее пожитки, а из оставшейся половины города ползут в поле тараканы, и видно, что быть и на эту половину гневу Божию, и надолго ль, коротко ль и той половине города горети, что и от старых людей примечено. Того ради правительствующему Сенату представлено: не повелено ли будет града жителям пожитки свои выбрать и оставшуюся половину града сжечь, дабы не загорелся град не вовремя и пожитки все б не сгорели». В ответе Сената говорилось: «велеть обывателям строиться, а впредь тебе, воеводе, не врать и другой половины не сжигать, тараканам и старым людям не верить, а дожидаться воли Божией» [ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 484. Л. 15–15 об.].

По мнению Кузьминой, захолустный Пронск был выбран случайно, и читателю был понятен «обобщающий смысл» пародии, стремившейся «разоблачить тупоумие воеводы и показать полное

бездействие и казенное бездушие как общее свойство местной и центральной власти в момент стихийного бедствия, каким в то время были пожары» [Кузьмина, 1955, с. 145–146]. Однако возможно, что упоминание о Пронске все же имело реальную первооснову. В 1681 году в Пронске, где начали возводить новую деревянную городскую крепость, «в ночи» начался сильный пожар. Царю Федору Алексеевичу отправили донесение об огромных убытках: сгорела соборная церковь и «новопоставленные» стены кремля с четырьмя башнями, у оставшихся прежних ветхих башен «верхи обвалились». Спасенный «зеленый припас» и пушечные ядра даже негде было хранить [ТРУАК, 1888, с. 24–25]. Ждали царского распоряжения, как быть в такой беде. Царь указал: крепость заново отстраивать и прежде всего — устроить новое хранилище для военных припасов. Такое происшествие действительно могло надолго запомниться.

Другой текст связан с учреждением Петром I Военной коллегии, первым президентом которой стал А. Д. Меншиков. Рассказывается, как в Новгород был направлен указ: «Прислать в Военную коллегию старых дел точные копии, а как сочинять, о том послан при сем экстракт» [ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 484. Л. 15 об.]. Собравшиеся на сход новгородцы, не слышавшие о столичных нововведениях и непривычные к иностранным словам, вошедшим в канцелярский обиход, долго не могли понять, что от них требуется. Наконец кто-то догадался, что «Военная коллегия — это князя Меншикова сестра Варвара» [Там же. Л. 16]. Некрасивая, но обладавшая незаурядным умом свояченица (а не сестра) Меншикова Варвара Михайловна Арсеньева нередко становилась его советницей и пользовалась влиянием в придворных кругах. Новгородцы с облегчением написали ответ: «Милостивая государыня Военная коллегия Варвара Даниловна. Изволила ты к нам, рабам своим, в Новгород писать, что послан к нам Евстрат, и мы того Евстрата не видали и искали по всем квартерам три дни... и не нашли, а точеных копьев во всем городе не отыскано, а найден оставшийся от старых ратных людей один бердыш, который к милости вашей при сем посылаем» [Там же].

Третья пародия — «Чин поставления в целовальники» — восходит к потешным и грубоватым ритуалам Петровского «Всешутейшего и всепьянейшего собора». Кузьмина отмечает, что этот текст, также встречавшийся в рукописных сборниках под названием «Посвящение из простых людей в чиновные чумаки», даже послужил основой для лубочной картинки [Кузьмина, 1955, с. 146]. В рязанской рукописи рассказывается, что нового кандидата в целовальники два приказчика торжественно везут в дом кабатчика, где у крыльца его встречают двенадцать «чумаков». Под руки его вводят на крыльцо, а по обе стороны «стоят по шести человек пьяных пивоваров и играют в ливеры» (ливер — специальная трубка, расширенная посередине, для набирания жидкости из больших емкостей (бочек, баков и т. д.)). В горнице новичка встречают криками «виват!» — «в десять больших воронок», и ведут к подобию амвона: «на превеликой, сделанной из самого крепкого дуба бочке стоит Бахус», в одной руке он держит виноградную кисть, в другой — большой хрустальный бокал. «По сторонам поставлены бывают вместо нимф две пьяные толстые посацкие бабы», которые держат «медную кружечную меру» и «любяную коробку с прорезанною в кружке дыркою». Их окружают восемь лучших хозяйских работников в красных кушаках. Появляется хозяин «в брачном одеянии, имея на голове немецкой работы вяленой колпак... на ногах вышитые туфли, и подпоясан по выстроченной по подолу рубашке шелковым тонким поясом». Он «с веселым видом» обнимает новичка, говоря: «Прииди, возлюбленный мой, в храмину мою, прими теперь должное тебе воздаяние... оставил еси вся мирская и прилепихся еси к винной мере, вся покори пьяныя под свою стойку, расточил еси вся скупых карманы и привлек еси их скидывать кафтаны...». Ставленник опускается на колени, «двое приказчиков накрывают его самыми чистыми хозяйскими портками», и хозяин, благословляя, возлагает на него руку. Когда он поднимается, все поют «самую лучшую кабацкую арию», затем хозяйка в фате, в «престрашном кокошнике, выкладемом жемчугом, и в камчатом сарафане» на блюде подносит посвященному «секретный от мерника гвоздь» на шнурке и вешает ему на шею. Он целует подол хозяйки и вышитую туфлю хозяина (пародия на католический обряд целования туфли римского папы). Ему зачитывают клятву: «...никому ни по какой дружбе в долг, ниже под заклад вина не давать и в мерник воды не подбалтывать», заботиться всячески о хозяйских интересах и доводить на тех, кто их не блюдет. После этого под крики «виват!» он отпускается в кабак [ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 484. Л. 12 об., 13–13 об., 14].

Торговать в кабаках в долг было запрещено, чтобы накопившиеся долги не разорили вконец человека. Но это правило нередко нарушалось. Упомянутые в тексте кружка с дыркой и «секретный от мерника гвоздь», видимо, тоже намекали на кабацкие плутни. Наличие этого текста в рязанском купеческом сборнике не случайно. И. Г. Прыжов в очерке «Кабацкие целовальники» сообщал, что

Зарайский и Егорьевский уезды Рязанской губернии, где было мало пригодных для сельского хозяйства земель, снабжали целовальниками всю центральную Россию [Прыжов, 1934, с. 207]. Начиная службу за кабацкой стойкой, многие из них со временем становились состоятельными купцами.

Лубочная картинка «Посвящение из простых людей в чиновные чумаки» находилась в собрании Д. А. Ровинского; коллекционер установил, что ее выполнил известный в Москве гравер П. Чуваев, работавший в 1750–1780-х годах в лубочной печатне, находившейся недалеко от Сухаревой башни. Текст лубка существенно отличается от рязанского списка в деталях: здесь Бахус стоит на поваленной бочке и «в одной руке держит рябиновую кисть, а в другой руке деревянный большой стакан»; возле него — две пьяные «обрюзглые бабы, одна в руках держит штоф с рюмкою, а другая кувшин и ковш». Хозяин выходит в «щегольском платье» и обещает: если работник будет верен ему, он доверит ему мерник. Хозяйка появляется в кокошнике, «выкладеном бисером», а не жемчугом [Ровинский, 1881, с. 341–343]. Вместо обряда посвящения с возложением хозяйской руки на голову коленопреклоненного ставленника (что напоминало церковные обряды) хозяин просто окропляет его из рюмки водкой — и отправляет в кабак. Клятва, даваемая работником, отсутствует. Текст лубка упрощен, приурочен к простонародному быту, при этом избегаются пародийные двусмысленности, которые могли бы вызвать неудовольствие церкви. Конечно, вряд ли где исполнялся подобный ритуал. Это было просто развлекательное чтение.

Вряд ли существовало и записанное в сборнике Панова прошение, посланное неким протопопом императору Александру I и помеченное 1803 годом:

Премудрый Александр, Российский царь!
Прости, что пред тобой
Пищать дерзнул комарь! <...>
Я, протопоп, ношу тобою данный крест,
Но так умален, как в руках мизинный перст
От восемьсот до нынешнего года
По сану моему не получал дохода...
[ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 484. Л. 90–90 об.]

Далее следуют жалобы на то, что он бедствует, имея шестерых детей, что его притесняет церковное начальство и т. д.

Эта запись перекликается с ходившим по светским гостиным анекдотом, будто бы во время одного из путешествий Александра I по России мелкий чиновник, которого долго не повышали, положил к его ногам стихотворную просьбу:

Всемиловитый император,
Аз коллежский регистратор,
Повели, чтоб твоя тварь
Был коллежский секретарь.

Царь снизошел и наложил резолюцию: «Быть по сему» [Русский литературный анекдот, 1990, с. 98].

В купеческом сборнике нет системного подбора материала, записи различного характера попадали туда случайно и хаотично, без соблюдения временной хронологии. Так, после стихотворений, посвященных победе над Наполеоном, находим вдруг прокламацию о Пугачеве, разосланную из Синода [ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 484. Л. 18–21 об., 30–34], казалось бы, совсем уже не актуальную в то время. Тем интереснее проследить, что из своих литературных впечатлений владелец сборника считал необходимым сохранить на память себе и своим потомкам.

Заключение.

В дворянском кругу рукописные сборники чаще всего служили дополнением к имевшейся в доме библиотеке (нередко весьма обширной). Поэтому записи в них носят более избирательный характер. В купеческой и мещанской среде при слабо развитой в провинции XVIII — начала XIX века книготорговле подобные сборники становились своеобразной заменой книжной культуры. Состав рукописных сборников характеризует не только индивидуальные вкусы их владельцев, но и мировоззренческие особенности и эстетические запросы той среды, к которой они принадлежали.

А шире — сам дух разных эпох русской жизни с меняющимся контекстом политической обстановки, общественной и культурной жизни.

Список источников

1. Болотов А. Т. Избранное. — Псков : Изд-во ПОИП КРО, 1993. — 352 с.
2. Государственный архив Рязанской области. НБ (Научная библиотека). — № 13119. — Сборник разных выписок и писем ; № 13370. — Сочинения и бумаги С. П. Румянцева. — Т. 1 ; Ф. 869. — Оп. 1. — Д. 484 : Рукописный сборник рязанского купца ; Д. 610 : Сборник басен неизвестного автора.
3. Губин Д. В., Севастьянова А. А. Материалы к описанию собрания рукописей Государственного архива Рязанской области // Рязанская вивлиофика. — Рязань : Александр Раутман, 2001. — Вып. 2. — С. 3–18.
4. Труды Рязанской ученой архивной комиссии (ТРУАК). — Рязань : губ. типография. — Т. 2, вып. 2. — 1888. — С. 24–25 ; Т. 4 : Приложения. — 1890. — 4 с. ; Т. 5, вып. 4. — С. 39–58.
5. Крестова Л. В. С. П. Румянцев — писатель и публицист (1755–1838) // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. — М. ; Л. : Наука, 1964. — С. 91–128.
6. Кузьмина В. Д. Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. — М., 1955. — Вып. 17. — С. 145–153.
7. Прыжов И. Г. Очерки. Статьи. Письма. — М. ; Л. : Академия, 1934. — 486 с.
8. Пыляев М. П. Старый Петербург. Рассказы о былой жизни столицы. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2014. — 304 с.
9. Ровинский Д. А. Русские народные картинки : кн. 1 // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — 1881. — Т. 23. — С. 341–343.
10. Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века / вступ. ст. Е. Курганова, сост. и примеч. Е. Курганова и Н. Охтина. — М. : Худож. лит., 1990. — 270 с.
11. Филиппов Д. Ю. Пожар 1837 г. в Рязани: наброски к очерку городской повседневности первой половины XIX в. // *Urbi et orbi* : сб. науч. работ к юбилею И. Г. Кусовой. — Рязань : Политех, 2020. — С. 214–264.
12. Фонвизин Д. И. Собрание сочинений : в 2 т. / сост., подгот. текста, коммент. Г. П. Макогоненко. — М. : ГИХЛ, 1959. — Т. 2. — 742 с.

References

1. Bolotov A. T. *Izbrannoe* [Selected Works]. Pskov, Pskov Regional Teacher Training Institute Publ., 1993, 352 p. (In Russian).
2. *Gosudarstvennyj arhiv Rjazanskoj oblasti. Nauchnaja biblioteka; no. 13119, Sbornik raznyh vypisok i pisem; no 13370, Sochinenija i bumagi S. P. Rumjanceva* [State Archive of the Ryazan Region. Research Library; no. 13119, Collected Letters and Notes; no. 13370, S. P. Rummyantsev's Essays and Documents]. Vol. 1 ; F. 869, Op. 1, D. 484 : *Rukopisnyj sbornik rjazanskogo kupca* [A Ryazan Merchant's Manuscripts]; D. 610 : *Sbornik basen neizvestnogo avtora* [Collected Fables by an Unknown Author]. (In Russian).
3. Gubin D. V., Sevast'janova A. A. Describing Manuscripts of the State Archive of the Ryazan Region. *Rjazanskaja vivliofika* [Ryazan Bibliophics]. Ryazan, Aleksandr Rautman Publ., 2001, iss. 2, pp. 3–18. (In Russian).
4. *Trudy Rjazanskoj uchenoj arhivnoj komissii (TRUAK)* [Works of Ryazan Scientific Archival Commission]. Ryazan, Province Publ., vol. 2, iss. 2, 1888, pp. 24–25 ; vol. 4 : Appendices, 1890, 4 p. ; vol. 5, iss. 4, pp. 39–58. (In Russian).
5. Krestova L. V. S. P. Rummyantsev — a Writer and a Publicist (1755–1838). *Russkaja literatura XVIII veka. Jepoha klassicizma* [Russian Literature of the 18th Century. The Epoch of Classicism]. Moscow, Leningrad, Science Publ., 1964, pp. 91–128. (In Russian).
6. Kuz'mina V. D. Parody in Satirical and Humorous Manuscripts of the 18th Century. *Zapiski otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki imeni V. I. Lenina* [Manuscripts of the Department of Manuscripts of the State Library named for V. I. Lenin]. Moscow, 1955, iss. 17, pp. 145–153. (In Russian).
7. Pryzhov I. G. *Oчерки. Stat'i. Pis'ma* [Essays. Articles. Letters]. Moscow, Leningrad, Academy Publ., 1934, 486 p. (In Russian). (In Russian).
8. Pyljaev M. P. *Staryj Peterburg. Rasskazy o byloj zhizni stolicy* [The Old St. Petersburg. Tales of the Olden Days]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2014, 304 p. (In Russian).
9. Rovinskij D. A. Russian Folk Drawings: b. 1. *Sbornik otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk* [Collected Works of the Department of the Russian Language of the Imperial Academy of Sciences]. 1881, vol. 23, pp. 341–343. (In Russian).
10. Kurganov E. Ohtin N. (comps.). *Pysckij literaturnyj anekdot konca XVIII — nachala XIX veka* [Russian Literary Jokes of the Late 18th — Early 19th Centuries]. Moscow, Belles Lettres Publ. 1990, 270 p. (In Russian).
11. Filippov D. Ju. The Fire of 1837 in Ryazan: Essays about Everyday Life of the First Half of the 19th Century. *Urbi et orbi*. Ryazan, Politeh Publ., 2020, pp. 214–264. (In Russian).

12. Fonvizin D. I. *Sobranie sochinenij : v 2 tomah* [Collected Works: in 2 vols.]. Makogonenko G. P. (comp.). Moscow, State Publishing House of Fiction Publ., 1959, vol. 2, 742 p. (In Russian).

Информация об авторе

Грачёва Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: русская литература XIX века, история русской культуры.

Information about the author

Gracheva Irina Vladimirovna — Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Literature at Ryazan State University named for S. Yesenin.

Research interests: Russian literature of the 19th century, history of the Russian culture.

Статья поступила в редакцию 02.05.2021; одобрена после рецензирования 28.05.2021; принята к публикации 09.06.2021.

The article was submitted 02.05.2021; approved after reviewing 28.05.2021; accepted for publication 09.06.2021.